

СВЯЩЕННИК НИКОЛАЙ
АГАФОНОВ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

КЛАССИКА РУССКОЙ
ДУХОВНОЙ ПРОЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«НИКЕЯ»

Классика русской духовной прозы

Николай Агафонов

Повести и рассказы

«Никея»

2014

УДК 821.161.1
ББК 86.372+84(2Рос=Рус)6

Агафонов Н.

Повести и рассказы / Н. Агафонов — «Никея»,
2014 — (Классика русской духовной прозы)

Протоиерей Николай Агафонов – клирик Самарской епархии, член Союза писателей России, лауреат всероссийских литературных премий «Хрустальная роза Виктора Розова» за 2005 год и «Святого благоверного князя Александра Невского» за 2007 год, автор нескольких сборников рассказов и двух исторических романов. Путь человека к Богу, падения и восхождения, боль от потерь и радость преодоления – вот основные темы произведений отца Николая.

УДК 821.161.1
ББК 86.372+84(2Рос=Рус)6

© Агафонов Н., 2014
© Никея, 2014

Содержание

Предисловие	5
Повести	7
Красное крещение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Священник Николай Агафонов

Повести и рассказы

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС12-218-1567, ИС10-11-0939

Предисловие

Священники, занимающиеся литературным творчеством, были всегда. Наше время – не исключение. К таким «авторам в сане» относится и отец Николай Агафонов. В своих произведениях он с любовью вглядывается в жизнь Церкви, но и приходскую повседневность рисует как наполненную мистической красотой.

Родился Николай Агафонов в уральском селе Усьва в 1955 году. Школа, армия – и вот он студент Московской духовной семинарии, куда поступил в 1976 году. В 1977 году стал диаконом, в 1979 – священником. 1992 год – окончание Ленинградской духовной академии и должность ректора Саратовской духовной семинарии, которую начинает с нуля под руководством архиепископа Пимена (Хмелевского). В 1995–1996 священник Николай Агафонов служил в храме Казанской иконы Божией Матери в с. Вязовка Татищевского района Саратовской области. Затем – в Пензенской области, в Волгограде и Кузнецке.

В настоящее время отец Николай служит в Самарской епархии (настоятель храма во имя Св. Жен Мироносиц г. Самары) и является преподавателем основного богословия Самарской Духовной семинарии.

Вероятно, напрямую из такой «простой» биографии происходит и простой, прозрачный (кому-то даже может показаться наивным) язык о. Николая Агафопова (кстати, члена Союза писателей России). Его повествования лишены «мучительных» поисков философской истины, пути героев ясны. Исповедники и мученики за веру, просто люди, связавшие свою жизнь с Церковью, не пытаются обосновать свой выбор.

Вероятно, это и подсказывает автору книги выбор сюжетов. Герой повести «Красное крещение» Степан, погруженный в патриархальный, православный уклад дореволюционной России, не может принять отречения от Христа, которого требует от него революционное время. Его судьба сливается с судьбами тех, кто остался верен истине, вере, Богу, так же как сливается воедино кровь убитых красноармейцами монахов: «Вскоре звон прекратился так же внезапно, как и начался. Послышался удар упавшего тела. Монахи обернулись и увидели сброшенного с колокольни звонаря Иеронима. Кровь, вытекающая из его разбитой головы, струйкой потекла по ложбинкам каменных плит и, встретившись с ручейком крови, текущей от убитого настоятеля, соединилась, и образовалась лужица, которая на глазах Степана ширилась и росла».

Простота исповедания веры предполагает, что о Боге может свидетельствовать не только православный и даже не только христианин. В повести «Свет золотой луны» о Боге свидетельствует мусульманин, чеченец, воюющий против федеральных войск. Впрочем, воюет потому, что после гибели жены у него не осталось интереса к этой жизни. О войне же рассуждает: «Порой мне кажется, что люди воюют потому, что не могут по-настоящему любить. Тот, кто любит по-настоящему, уже не может ненавидеть других людей. Ты думаешь, я пошел воевать, чтобы за жену и детей мстить? Кому мстить? Всему русскому народу мстить? Но ведь моя жена тоже русская. Значит, ей мстить, той, которую любишь больше жизни». Именно любовь и вера, как ее источник заставляют чеченского боевика помогать бежать из плена русским. В своей вере иноверец поступает согласно евангельскому принципу «вера без дел мертва».

Впрочем, для православных спутников мусульманина в повести отведено также значительное место. Солдат Сергей отказывается принять ислам и отречься от Христа ради спасения жизни, Патриев, бывший детдомовец, жертвует собой, а Гаврилов открывает для себя молитву.

Есть в этой книге и рассказы-зарисовки церковноприходской жизни. Вот два архиерея, однокашники и друзья, исповедуются друг другу в малодушии по отношению к третьему другу, священнику, судьбу которого могли облегчить, но не сделали этого. Тут и специфичный архиерейский юмор. Один из владык, работающий в ОВЦС, прощаясь, говорит: «... Ты ни разу не видел танец эфиопских епископов под барабан? – Нет, – ответил озадаченный отец Николай. – Счастливый ты человек, хотя, впрочем, зрелище это прелюбопытное».

Мистический опыт приходской жизни зафиксирован в рассказе «Юродивый».

Что пользы человеку от веры? Зачем церковная жизнь? Ответ дается в рассказе. Герой рассказа «Чаю воскресения мертвых», печник Николай Иванович, так отвечает на эти вопросы: «Где только я не был.

Везде, кажись, был и все испытал. А понял одно: с Богом человеку завсегда хорошо жить. Любые беды с Ним не страшны...»

Главное, чем пленяют рассказы о. Николая, – своей искренностью и живым, непосредственным восприятием окружающего мира. Только человек, любящий и ценящий жизнь, способен увидеть ее краски и запечатлеть их в слове.

Дмитрий Дайбов

Повести

Красное крещение Киноповесть

1

С высоты птичьего полета открываются живописные окрестности небольшого мужского монастыря. Беленые стены монастырской ограды среди зелени полей и перелесков не портят картины природы, а лишь подчеркивают, как гармонично вписано создание рук человеческих в мироздание Божие. Лучи раннего утреннего солнца уже поблескивают на золоченых куполах величественного собора. Небольшой, чистый, вымощенный камнем дворик между собором и братским корпусом пуст. Лишь возле монастырской калитки, на лавочке, сидит привратник – монах Тихон. Кажется, дремлет, но это обманчивое впечатление. Если присмотреться внимательно, можно заметить, как его старческая костлявая рука медленно перебирает четки, а губы под пышными седыми усами едва шевелятся, беззвучно произнося слова молитвы.

Неожиданно тишину утра нарушает грохот артиллерийского орудия. Старец вздрагивает и, открыв глаза, с недоумением смотрит в небо. По бескрайней лазури безмятежно плывут редкие пушистые облака. Все спокойно, и Тихон вновь прикрывает глаза, и рука, было застывшая, вновь привычным движением пальцев начинает неспешно перебирать четки.

2

В березовом перелеске на краю поля красные кавалеристы держат под уздцы запряженных лошадей. Лица их встревожены. Они напряженно всматриваются сквозь редкие стволы деревьев, потом поглядывают на своего командира, Артема Крутова, который спокойно покуривает, беспечно поглядывая на птаху, примостившуюся на ветке березы.

Раздается громкое «ура». Птица вспорхнула с ветки и улетела. Крутов проводил ее взглядом и чему-то улыбнулся. Справа от перелеска поднимаются цепи красноармейцев и устремляются вперед с винтовками наперевес.

Кавалеристы нервно переминаются с ноги на ногу и кидают вопросительные взгляды на Крутова: мол, не пора ли нам? Но тот продолжает спокойно покуривать папиросу.

На другом конце поля перед орудийным расчетом полевой пушки стоит прапорщик и кричит:

– Осколочным заряжай!

Выстрел из пушки изрядно проредил ряды красных, но не остановил. Застрочил пулемет. Красные залегли. Тут в атаку поднялись белые.

Крутов, отбросив папиросу, поднес к глазам бинокль и усмехнулся. Отложив бинокль, он повернулся к своим красноармейцам и весело подмигнул. Лицо его словно преобразилось, в нем уже нет былой безмятежности, а в глазах заискрился бесенок азарта.

– Ну что, хлопцы, застоялись? По коням! Зададим перцу белой сволочи!

Ловко вставив ногу в стремя, он легко вскакивает в седло. Красноармейцы проделывают то же самое почти одновременно с командиром. Рука Крутова ложится на эфес сабли, и в тишине леса раздается зловеющий звук вытягиваемого из ножен клинка.

«Ввжжик», – пропела сабля Крутова, и эту песню металла подхватывает более сотни сабель.

– За мной! – дико орет Крутов и, вонзив шпоры в коня, выскакивает из леса, увлекая за собой бойцов.

Красная кавалерия, аллюром рассыпаясь по полю, устремилась на белую пехоту. Но тут Крутов краем глаза заметил выскочившую из-за оврага кавалерию белых. Не сбавляя бег коня, он повел поводья влево, и красноармейцы устремились за ним. Конница красных, выгибаясь в громадную дугу, проводит сложный маневр и на полном скаку врывается в кавалерийский эскадрон белых. Началась кровавая сеча.

Взрывы, выстрелы, ругань и стоны раненых уносятся в бездонное, казалось, невозмутимо-равнодушное небо...

3

Негромкое, но торжественное пение мужского монашеского хора наполняло душу спокойствием и умиротворением. Степан, семнадцатилетний юноша в подряснике послушника, стоял на клиросе среди монахов, поглядывая то в ноты, то на регента, и старательно тянул свою теноровую партию.

На амвон вышел настоятель монастыря архимандрит Таврион. Опираясь на посох, он внимательным глубоким взглядом с грустью обвел притихшую братию. Теперь, при полной тишине, в храм глухо, но все же доносятся раскаты выстрелов. Выдержав паузу, он начал свою проповедь:

– Братья мои, здесь, в храме, приносится мирная, бескровная жертва Христова, а за стенами обители льется кровь человеческая в братоубийственной войне.

Глаза настоятеля, посуровев, сверкнули гневом, и он продолжил:

– Ныне сбываются пророческие слова Писания: «Предаст же брат брата на смерть, и отец сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их»¹.

Степан с умилением смотрел на отца Тавриона и вспоминал тот день, когда он впервые прибыл в монастырь с родителями.

4

Вот они все сидят за полукруглым столом в покоях настоятеля. Отец Таврион в простом подряснике и черной скуфейке². Он сам почти ничего не ест, а старается потчевать гостей, мягко подтрунивая над ними. По правую руку от него сидит отец Степана – поручик Николай Трофимович Корнеев. Он в полевой офицерской форме и тоже старается шутить, поддерживая отца Тавриона. Мама Степана —

Анна Семеновна – вынужденно улыбается шуткам отца Тавриона какой-то вымученной улыбкой. Иногда ее большие карие глаза, полные любви и нежности, останавливаются на сыне, и тогда их заполняет печаль. Степан в гимназическом кителе сидит напротив отца Тавриона и беспечно кушает жареного судака, прислушиваясь к разговору старших.

– Так что же это получается, Николай Трофимович, с одной войны пришли и на другую идете? Не устали воевать-то? – с ноткой иронии спрашивает Корнеев отец Таврион.

– Устал, отец Таврион, конечно, устал, – тяжело вздохнув, отвечает Корнеев. – Да и в стороне оставаться, когда отечество супостатами терзается, не могу.

¹ Евангелие от Матфея 10:21.

² Остроконечная чёрная или фиолетовая бархатная шапка у православного духовенства, монахов.

– Правильно изволили выразиться, Николай Трофимович. Супостаты они, коли руку на святое подняли, – одобрительно кивает головой отец Таврион, а затем поворачивается к Анне Семеновне:

– Ну а ты, сестренка, почему на войну собралась? Женское ли это дело? На кого же Степку оставишь? Ему родительский присмотр нужен.

Анна Семеновна ласково треплет сына по голове:

– Он у нас уже самостоятельный, – и переводит взгляд на отца Тавриона. – Не обессудь, отче, хотим тебя просить приютить племянника. Нам с Николаем будет спокойно, да и он о монастыре всегда мечтал. А что до меня, так я прошла курсы сестер милосердия...

Таврион внимательно посмотрел на Степана. Тот, засмуцавшись, опустил взор.

– Вижу, что отрок сей нашего рода, иноческого, – сказал задумчиво отец Таврион и тут же добавил, обращаясь к Анне Семеновне: – Ты, сестра, за сына не беспокойся, при деле будет и под моим личным присмотром.

5

Очнувшись от воспоминаний, Степан прошептал: – Господи, спаси моих родителей, воина Николая и Анну.

Отец Таврион меж тем продолжал:

– За грехи и отступления от веры Господь попустил диаволу увлечь народ ложными обещаниями райской жизни на земле. Но там, где царствует грех, не может быть райского блаженства. Человек, отказавшийся от Бога, лишь умножит свои скорби. Молитесь, братия, ибо близок час испытания нашего. И помните, что только претерпевший до конца будет спасен³. Аминь.

6

Раздался стук в монастырские ворота, и привратник Тихон не торопясь заковылял к калитке. Приоткрыв небольшое окошечко, он выглянул, чтобы посмотреть, кто стучится. Но тут же, охнув, с поспешностью стал открывать калитку. В монастырь буквально ввалились два раненых офицера. Совсем юный корнет был ранен в руку, но другой, здоровой, рукой поддерживал поручика с перевязанной головой, который еле держался на ногах.

– Помогите ради Христа, нас преследуют красные, – умоляющим голосом обратился к привратнику корнет.

В это время из храма вышел отец Таврион с братией монастыря. Тихон торопливо заковылял к настоятелю и, подойдя, зашептал ему что-то на ухо. Голова раненого поручика безвольно свисала вниз, так что лица его не было видно. Степан присматривался к офицеру, и волнение его возрастало. В какой-то момент ему показалось, что это его отец. Не выдержав, он с криком побежал навстречу раненому поручику:

– Отец!

Поручик с усилием поднял голову и с недоумением посмотрел на подбегающего к нему Степана. Увидев лицо офицера, юноша в растерянности остановился. Поручик, поняв, что мальчик просто обознался, ободряюще улыбнулся Степану.

Слушая привратника, отец Таврион с тревогой и состраданием глядел на офицеров. В это время в ворота монастыря громко забарабанили.

– Отворяй ворота, живо! А не то разнесем все к чертовой матери.

³ Евангелие от Матфея 10:21–22: «Предает же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется».

– Отец келарь, – обратился настоятель к одному из монахов, – быстро уведите и спрячьте раненых. – Затем, повернувшись к привратнику, распорядился: – Иди, Тихон, отворяй, да не спеши.

7

В распахнутых воротах обители показались красные кавалеристы во главе с Крутовым. За ними строем шагала отряд латышских стрелков. Отец Таврион молча взирал на них. Крутов направил коня прямо на настоятеля, видимо, решив устрашить монаха. Но тот даже не шелохнулся. Крутов осадил коня прямо перед отцом Таврионом и с интересом разглядывал монаха. Потом молча объехал его кругом и весело прокричал, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Ну, святые угоднички Божьи, признавайтесь, куда золотопогонников подевали? А? Что молчите?

В это время в монастырь вкатилась бричка, запряженная парой лошадей. На бричке в небрежной позе развалился комиссар полка Коган Илья Соломонович. Бричка остановилась, комиссар не торопясь вынул носовой платок и так же не торопясь протер пенсне, а затем уж сошел с брички и направился в сторону Крутова и монахов.

– Ну ты, с палкой, – обратился Крутов уже конкретно к отцу Тавриону, опирающемуся на свой посох и в упор смотрящему на него. – Чего надулся, как мышь на крупу? Прошло ваше время народ пугать карой небесной. Теперь мы вас пугать станем карой земной, а это куда уж поконкретнее будет. – И рассмеялся, довольный собой, поглядел на Когана: мол, вот я какой, полюбуйся, товарищ комиссар.

Глаза отца Тавриона засверкали гневом, но он, опустив взгляд, едва сдерживая себя, с достоинством, четко разделяя слова, произнес:

– Что вам от нас угодно? Потрудитесь объяснить, по какому праву вы врываетесь в обитель Божью?

Крутов в деланом изумлении поднял брови, повернулся к своим бойцам и подмигнул. Те засмеялись, один лишь Коган сохранял молчаливую брезгливость:

– Запомни, монах, – смеясь, сказал Крутов, – права мы ни у кого не спрашивали и не будем спрашивать: ни у Бога, ни у черта. – Потом, сразу посерьезнев, добавил: – А вот с тебя, черноризец, я спрошу: где ты офицериков укрыл? Да не вздумай отпираться, я сам видел, как они в сторону вашего монастыря шли.

Отец Таврион поднял строгий взгляд на Крутова и спокойно ответил:

– А я никого не видел. Извольте сейчас же покинуть нашу обитель.

Крутов уже собирался ответить на эти дерзновенные слова настоятеля, но тут неожиданно вмешался комиссар:

– Мне кажется, товарищ Крутов, у его высокопреподобия что-то со зрением случилось. Но мы это зрение ему поправим.

– А ведь ты прав, товарищ Коган, если человек не видит врагов революции, то он либо слеп, либо сам такой же враг. Я, вашу мать ети, – вдруг заорал Крутов, – весь монастырь наизнанку выверну, а золотопогонников найду.

При этих словах он соскочил с лошади и выхватил из кобуры маузер.

– Петров, Афанасьев, Собакин, обыщите храм. А вы трое со мной. Монахов охранять, чтоб ни один с места не тронулся. Если найдем офицеров, всю монашескую контру к стенке поставим.

И Крутов быстрым шагом направился к братскому корпусу. Комиссар продолжал брезгливо разглядывать настоятеля.

– Значит, не видели? Зубов! – позвал он своего возницу, вихлястого, развязного парня, явно уголовной наружности.

Когда Зубов приблизился, Коган склонился к его уху и что-то шепнул. Тот, глумливо ухмыльнувшись, кивнул Когану:

– Сейчас, товарищ комиссар, я ему мигом зенки вправлю.

Он вытащил из кармана складной нож и, поигрывая им, подошел к отцу Тавриону. Настоятель, не дрогнув, смотрел прямо в лицо Зубову. Того несколько смутил прямолинейный взгляд монаха.

– Чего, контра, зенки вылупил, – прошипел он и, обойдя архимандрита, стал позади него.

Зубов моргнул двум латышам, и те подошли к нему.

– Держите этого гада за руки, да крепче.

Настоятель пытался отдернуть руки, но стрелки, вырвав у него посох и отбросив его в сторону, крепко взяли отца Тавриона с двух сторон за руки выше локтей. Зубов подсечкой уронил настоятеля на колени и схватился одной рукой за подбородок. При этом клобук архимандрита съехал набок, а затем и совсем упал на землю. Зубов, запрокинув голову монаха лицом кверху, быстрым движением проткнул ему один глаз ножом. Отец Таврион, дико вскрикнув, вырвал руку у латыша, схватившись за глаз.

– А-а-а... – застонал отец Таврион, мотая головой из стороны в сторону, – что же вы творите, ироды окаянные?

Монахи охнули при виде такой жестокости и подались вперед. Но латышские стрелки с винтовками наперевес оттеснили их к стене корпуса и взяли в плотное оцепление. Степан закричал, но стоящий с ним рядом монах Гавриил обхватил его рот рукой и прижал к себе. Из широко открытых глаз Степана полились слезы на руку Гавриила.

– Тише, Степка, тише, – зашептал монах. – Сейчас и до нас, парень, очередь дойдет. Молись.

Но молиться Степан не мог, в глазах его застыл безмолвный ужас.

– Ну, вот теперь, монах, отвечай: видел офицеров? – задал свой вопрос Коган.

– Нет, изверги, нет, я никого не видел. Не видел, супостаты.

– А ты, Зубов, недолечил человека, – ухмыльнулся Коган, – видишь, он говорит, что не видел.

– Да как же так, не видел? Ведь врет сволочь и не краснеет, – ухмыльнулся Зубов и снова достал нож. – Сейчас, товарищ Коган, мы это подправим.

При этих словах красноармейцы снова крепко схватили настоятеля за руки.

Келарь монастыря отец Пахомий закричал:

– Что же вы творите, проклятые! Креста на вас нет!

Он попытался прорвать оцепление солдат, но его тут же сбили с ног прикладом винтовки и, несколько раз ударив, снова водворили в толпу монахов. Зубов между тем подошел к отцу Тавриону и проколол ему второй глаз. Красноармейцы отпустили руки ослепленного отца Тавриона. Из пустых глазниц настоятеля текли кровавые слезы. Он воздел руки к небу и возопил:

– Вижу, теперь вижу, – кричит он.

Все, в том числе и монахи, в ужасе и удивлении переглянулись между собой.

– Наконец-то прозрел, – довольно ухмыляется Коган, – я же говорил, что зрение можно подправить.

Так что вы там видите? Поделитесь с нами, святой отец.

– О! Чудо! – не обращая внимания на сарказм комиссара, воскликнул отец Таврион. – Вижу небо отверстое и Господа со Ангелы и всеми святыми! Благодарю Тебя, Господи, за то, что, лишив земного зрения, открыл духовные очи видеть славу...

Договорить отец Таврион не успел. Лицо комиссара перекошилось, и он, выхватив из кобуры револьвер, выстрелил в настоятеля. Архимандрит, вздрогнув всем телом, упал лицом на мощенную камнем монастырскую площадь. В это время вернулся Крутов. Взглянув на уби-

того архимандрита, покачал головой. Неожиданно раздался звон колокола. Монахи истово закрестились. Степан видел, как возле убитого отца Тавриона по белым камням растекается алая кровь. Его начал бить озноб.

– Прекратить звон сейчас же, – буквально завопил Коган.

Двое бойцов метнулись в сторону раскрытых церковных дверей. Вскоре звон прекратился так же внезапно, как и начался. Послышался удар упавшего тела. Монахи обернулись и увидели сброшенного с колокольни звонаря Иеронима. Кровь, вытекающая из его разбитой головы, струйкой потекла по ложбинкам каменных плит и, встретившись с ручейком крови, текущей от убитого настоятеля, соединилась, и образовалась лужица, которая на глазах Степана ширилась и росла. Все перед его глазами стало красным. Степан стал заваливаться на бок. Монах Гавриил бил его слегка по щекам и шептал:

– Степка, очнись. Очнись, ради Христа.

Степан открыл глаза и бессмысленно посмотрел на Гавриила.

В это время из-за угла собора вышли, прихрамывая и поддерживая друг друга, раненые офицеры. Они остановились и обессиленно прислонились к стене собора. Поручик, с усилием подняв голову, тяжелым взглядом обвел красноармейцев и, остановившись на Крутове, хриплым голосом проговорил:

– Хватит издеваться над безоружными монахами, мы вам нужны, вот нас и берите.

8

Пока все смотрели на вышедших офицеров, монах Гавриил быстро нагнулся к Степану и прошептал:

– Вот тебе ключ от подвала, беги из монастыря, спасайся.

Он указал ему на маленькое окошко – отдушину, ведущую в полуподвал братского корпуса, возле которого они стояли. Степан в нерешительности тряс отрицательно головой.

– Да лезь ты, кому говорят, пока не поздно, – с раздражением шептал монах.

Степан испуганно глянул на окошко, затем на отца Гавриила.

– Беги, Степка, – умоляюще зашептал Гавриил, подталкивая Степана к окошку.

Нагнувшись, Степан просунул голову в окно и полез. Монахи столпились поплотней у окошка, чтобы прикрыть бегство Степана от красноармейцев. Едва Степан успел протиснуться в окошко и свалиться на пол подвала, как красноармейцы повели монахов в глубь монастырского двора.

Степан некоторое время лежал на полу, прислушиваясь. Из монастырского двора прозвучал одиночный выстрел, и Степан подскочил с пола и стал быстро пробираться между бочками и ящиками к двери. Трясущимися руками он долго не мог попасть ключом в скважину замка. Наконец дверь удалось открыть. Но едва он выбрался по лестнице из подвала в коридор, как услышал голоса красноармейцев, входящих в братский корпус. Степан скинул ботинки и, взяв их в руки, на цыпочках быстро побежал по коридору к своей келье. Его продолжало трясти, словно в лихорадке. В келье он снял подрясник и переделся в гимназический китель. Затем стал складывать вещи в мешок и тут услышал громкий смех и звук шагов в коридоре. Он быстро снял висящий на гвозде у кровати бинокль, сунул его в мешок и, нырнув под свою кровать, притаился. От удара ногой дверь в его келью распахнулась, и вошли двое красноармейцев. Прямо перед собой Степан увидел ноги в армейских обмотках, и на его лице выступил пот. В его голове звучала только одна фраза: «Господи, помоги!»

– Тут нечем поживиться, – сказал один красноармеец, и ноги в обмотках направились к выходу.

Степан вылез из-под кровати. Перекрестившись на иконы, подошел к двери, прислушался, а затем, приоткрыв ее, выглянул в коридор. Убедившись, что поблизости никого нет, он вышел.

Из монастыря Степан вышел через небольшую потайную калитку в стене. Здесь начинался монастырский огород, а за ним лес. Пригнувшись, Степан побежал между огородных грядок к лесу. На краю леса он с размаху упал на траву и дал волю слезам. Некоторое время его плечи содрогались в беззвучном плаче, затем он встал, вытер тыльной стороной ладони слезы, в последний раз оглянулся на монастырь и побежал в глубь леса.

Степан бежал по лесу, а в его сознании звучало печальное монашеское песнопение. Оно становилось все торжественнее и торжественнее. Степан шел по лесной дороге, лес закончился, и перед ним был крутой пригорок, он вскарабкался по нему и увидел перед собой поле, а вдали реку. Он перешел поле и долго сидел на берегу реки, а песнопение монастырского хора все продолжало звучать в его душе.

Он не видел, как расстреливали офицеров прямо у стены собора. Не видел, как гнали монахов в поле и заставляли копать для себя братскую могилу.

Степан ничего этого не видел, но догадывался об ужасах, творимых в монастыре, и ему казалось, что над полем и лесом звучат торжественные погребальные стихиры:

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть,
И вижу во гробех лежащую,
По образу Божию созданную нашу красоту.
Безобразну и безславну, не имущую вида.
О, чудесе! Что сие еже о нас бысть таинство?
Како предахомся тлению?
Како сопрягохомся смерти?..

9

Степан пробирается вдоль рядов шумной и людной городской рыночной площади. Вид его довольно жалок. Ноги босы. Гимназический китель, на котором остались всего две медные пуговицы, надет прямо на голое тело. Одна брючина порвана внизу почти до колена. Взгляд его голодных глаз невольно останавливается на продуктах, разложенных на прилавках. Степан сглатывает слюну и, прижимая к груди вещевой мешок, продолжает пробираться среди людской толчеи.

Один из торговцев, остановив Степана и ощупав его вещмешок, спросил:

– Что там у тебя, вроде бинокль? Давай менять на картошку.

Степан резко дернулся, отстраняясь от навязчивого торговца:

– Это я не могу менять, об отце память.

– Да ведь вижу, что жрать хочешь, – ухмыльнулся торгаш, – какая тут память, голод не тетка.

Степан, покачав отрицательно головой, прошел быстро вдоль рядов к деревянному забору и устало присел возле него, облокотившись спиной о штакетник. Он раскрыл свой вещевой мешок, достал бинокль, посмотрел на него. Затем прикрыл глаза, вспоминая отца с матерью.

10

В гостиной накрыт праздничный стол с именинным пирогом. Вся семья Корнеевых в сборе. Папа с мамой радостно улыбаются, глядя на сына, и поднимают бокалы с шампанским. Какие они красивые, его родители! Мама в светло-розовом платье, а папа в офицерском мундире с погонями поручика.

– Поздравляем тебя, сынок, с днем твоего Ангела. Вот тебе мой подарок, – при этих словах отец достает бинокль и подает его Степану, – я его с фронта привез, трофейный немецкий, четырнадцатикратного приближения. Будет тебе памятью об отце.

Степан с восхищением глядит на бинокль, а родители поют ему «Многая лета....».

11

– Это чего у тебя? – услышал вдруг Степан вопрос над самым ухом.

Он быстро открыл глаза и с тревогой оглянулся.

Рядом с ним у забора сидел белобрысый парень в рваной тельняшке, в белых, замызганных грязью брюках, так что их белый цвет лишь угадывался. На Степана смотрели с наглой усмешкой светлые, почти белесые глаза. Парень был примерно одного возраста со Степаном, только чуть ниже ростом и коренастей.

– Чего это у тебя? – повторил он свой вопрос и, вынув из кармана штанин краюху хлеба, стал есть.

Степан сглотнул слюну и, отвернувшись, ответил:

– Это бинокль, от отца.

– Понятно, – равнодушно произнес парень, отламывая от своей краюхи кусок и толкая в плечо Степана. – На, ешь.

– Спасибо, я не голоден, – ответил Степан, не поворачиваясь к парню и снова сглатывая слюну.

– Да ты че, – удивился тот, – из интеллигентных, что ли? Ешь, пока дают.

Степан как бы нехотя взял хлеб и тут же, откусив большой кусок, стал быстро жевать. Поперхнувшись, он закашлялся.

– Ешь, не бойся, не отниму.

– Я и не боюсь, – обиженно и с вызовом сказал Степан, проглотив почти не жуя последний кусок.

Парень уже тоже доел свой кусок и протянул руку к биноклю:

– Дай посмотреть, да ты не бойся, не возьму.

– А я и не боюсь, – опять с вызовом ответил Степан и подал бинокль.

Парень взял бинокль, повертел его в руках. Потом посмотрел в него на базарные прилавки и засмеялся, пытаясь рукой дотянуться до продуктов, которые теперь, ему казалось, лежат прямо перед ним.

– Полезная штука, – сказал он, а потом вдруг неожиданно вскочил на ноги и припустился бежать что есть мочи от Степана с его биноклем.

Степан тут же подскочил, как ужаленный, и, даже позабыв свой вещмешок, бросился вдогонку.

Парень ловко перескочил через забор и, добежав до переулка, свернул в него. Степан не отставал. Наконец он сообразил, что парень бежит прямо к складам на пристани, и побежал за ним по параллельному переулку, стараясь сократить дорогу. К складам они подбежали почти одновременно. Но тут парень кинулся к высокой деревянной ограде и, отодвинув доску, юркнул в щель. Степан нырнул за ним следом и очутился в замкнутом дворе между сараями. Он оторопел от увиденного. Воришка уже никуда не бежал, а стоял с наглой ухмылкой посреди такой же шпаны, как и он сам. Ребят было человек десять. Всем лет по восемь – двенадцать. Парень, укравший бинокль, был старше их всех, если не считать еще одного здорового парня лет восемнадцати. Он сидел на большой бочке, как на троне, и тоже с интересом рассматривал Степана. В отличие от других беспризорников, одетых в рваные лохмотья, этот парень одет получше и почище. Беспризорники тут же обступили Степана кольцом. Он от растерянности остановился и молчал. Все тоже стояли молча и смотрели на него. Степан понял, что он попался и так просто ему отсюда не уйти. Но все же, глянув исподлобья на парня, укравшего у него бинокль, твердо сказал:

– Отдай, это не твой.

– Что с воза упало, то пропало, – смеясь в лицо Степану, ответил тот.

И все беспризорники захохотали.

Не смеялся только парень, восседавший на бочке. Он продолжал с интересом разглядывать Степана.

– Сивый, – обратился он к белобрысому парню, – чего этот чужак от тебя хочет?

Сивый еще по дороге успел куда-то сунуть бинокль и теперь, невинно расставив руки, с той же наглостью, как и прежде, сказал:

– Не знаю, Брынза, чего он пристал к честному человеку.

– Не к честному, а к вору, – в запальчивости выкрикнул Степан.

Его слова снова вызвали у беспризорной братии гомерический хохот.

– Ты кто? – обратился Брынза к Степану.

– Он у меня бинокль украл, – не отвечая на вопрос главаря, упрямо мотнув головой, сказал Степан.

– Да мы тут все крадем, – ухмыльнувшись, развел руками Брынза, и беспризорники опять загоготали.

– Это бинокль, память об отце. Он на войне, – потупив голову, но твердым голосом произнес Степан.

– Ах, гнида, – закричал белобрысый, – я тебя сразу раскусил. С красными твой отец воюет. Офицер небось. У тебя же это на лбу написано, ты же контра.

– Ша, Сивый, – властно выставил вперед руку Брынза, – у нас здесь нет ни белых, ни красных, иди, тащи бинокль. Решать будем.

Степан облегченно вздохнул, считая, что дело его уже решено. Но он ошибся. Когда Сивый, быстро сбежав, принес бинокль и передал Брынзе, тот, повертев его в руках, спросил Степана:

– Об отце, говоришь, память? Хочешь вернуть свою вещичку?

– Да, – с готовностью ответил тот.

– Тогда дай Сивому за нее выкуп и забирай.

– Какой выкуп? – растерялся Степан. – Это и так моя вещь.

– Была ваша, стала наша, – ехидно сказал Сивый и, подразнивая Степана, стал ходить вокруг него, кривляясь и напевая:

Цыпленок жареный,
Цыпленок пареный
Пошел на речку погулять.
Его поймали, арестовали,
Велели паспорт показать.
Паспорта нету,
Гони монету,
Монеты нет,
Садись в тюрьму.
Тюрьма закрыта
Доской забита...

– У меня нет выкупа, – сказал, нахмурившись, Степан.

– Тогда просто отыми у него, – спокойно предложил Брынза, глядя в бинокль и направляя его на Степана.

– Как это? – не понял Степан.

Но Сивый при словах Брынзы тут же подскочил к Степану и ударом кулака сбил его с ног.

– А вот так, аристократ вонючий.

Степан, быстро вскочив на ноги, принял боксерскую стойку: выставив перед лицом кулаки тыльными сторонами к противнику, стал пружинисто подпрыгивать на ногах, вспомнив, как его учили английскому боксу.

Это так рассмешило Сивого, что он перестал драться, а, схватившись за живот, истерично захохотал.

– Вы гляньте, братцы, только гляньте, что аристократик вонючий вытворяет. Он со страху в штаны наложил и трясется.

Беспризорники тоже хохотали.

– Хвать ржать, придурки, – рявкнул Брынза, – это английский способ драться, бокс называется, я в цирке видел. А вы, балбесы, хоть раз в цирке бывали?

Все примолкли. Сивый, глумливо кривляясь, подошел ближе к Степану и, замахнувшись, ударил, но Степан, легко отскочив, уклонился от удара, быстро перешел в контрнаступление и ударил Сивого кулаком в нос. Тот схватился рукой за нос, а когда отнял руку и увидел, что она в крови, прошипел:

– Ну, белая кость, держись, я тебе твою голубую кровь пущу. Будешь знать, как нашу, пролетарскую, проливать.

При этих словах Сивый, резко упав на спину, молниеносно двумя ногами подсек ноги Степана.

Тот упал. Сивый кинулся к забору и, выдрав штакетник, подбежал к поднимающемуся Степану и ударил его палкой по рукам, которыми тот опирался о землю, пытаясь подняться. Руки Степана подкосились, он снова упал. Тогда Сивый ударил его палкой по спине. От этого удара штакетина переломилась пополам. Ногой Сивый успел еще пнуть Степана в лицо. Степан поднялся с трудом, его шатало из стороны в сторону, но он вновь принял боксерскую стойку. Сивый, поигрывая обломком штакетин, со злорадной ухмылкой смотрел на подходившего к нему Степана, у которого из разбитой губы струилась кровь.

– Гляньте-ка, у этого аристократика кровь все же красная.

– Это нечестно, – еле ворочая разбитыми губами, сказал Степан.

– Это тебе не дуэль, тут правил нет.

– Отдай бинокль, – снова проговорил Степан, исподлобья глядя на Сивого.

– Держи карман шире, ты заставь меня отдать.

Тут Степан неожиданно с диким криком кинулся головой в грудь противника. Сивый упал. Степан прыгнул на него, но тот успел выставить вперед ступню ноги, и Степан, налетев на ногу животом, перелетел через Сивого. Сивый ловко на спине развернулся к Степану, поднял ноги и ударил пятками в живот Степана. Степан согнулся от боли, но успел перехватить одну ногу Сивого и яростно вцепился в нее зубами.

– Ай, ай-ай-ай, – завопил Сивый, – отпусти! Больно, больно, гад.

Но Степан и не думал отпускать, а еще сильнее сомкнул зубы.

– Ненормальный, – заорал что было сил Сивый, – забирай свой бинокль.

Степан отпустил ногу Сивого, встал и, отплеывая кровь, подошел к Брынзе. Сивый, сидя на земле и схватившись за окровавленную ногу, причитал:

– Ой, мамочки, ой, родненькие, вот подлюга, как кусается.

– Ну ты, Аристократ, даешь, – сказал Брынза, не то одобрительно, не то осуждающе покачивая головой и отдавая бинокль Степану.

Степан взял бинокль, подойдя к Сивому, примирительно сказал:

– Вы уж простите меня, как-то так получилось, я не хотел.

Сивый уже успел обмотать рану какой-то тряпкой. Он вдруг улыбнулся и, поморщившись, встал, протягивая Степану руку:

– Да чего там. Я сам не ожидал. Молодец, Аристократ, не хлюпик. Уважаю. А кто старое помянет, тому глаз вон.

– Я сам от себя этого не ожидал, – сказал Степан, в смущении пожимая руку Сивому.

13

Беспризорники спали в большом сарае, кто где устроился. Кто в большой бочке, кто на постеленной соломе, кто на каком-нибудь рванье. Брынза спал в самодельном гамаке из рыбацких сетей. Степан в углу сарая прямо на досках, подложив под голову узелок и накрывшись дырявым мешком. Лучи раннего утреннего солнца начали проникать в щели сарая и небольшие оконца. Беспризорники стали вставать, позевывая и почесываясь, беззлобно переругиваясь между собой. Степана разбудил Сивый.

– Ну ты, Аристократ, и спать горазд. Кто же за тебя работать будет?

– Что, где? – спросил Степан, спросонья протирая глаза и недоуменно оглядываясь кругом.

– Работать, говорю, пора, – ухмыльнулся Сивый.

– Работать? Я готов. Что делать? – спросил Степан, окончательно приходя в себя.

– Воровать пойдем, что еще делать, – хохотнул Сивый.

– Как воровать? – не понял Степан.

– Как все воруют, – похлопал его по плечу Сивый.

– Нет, воровать я не буду.

– Как это не будешь? – возмутился Сивый. – Жрать ворованное всегда готов, а воровать не будешь?!

– Да я не умею, – оправдывался Степан.

– Это не беда, научим. Пойдем на рынок, с утра, в суматохе всегда сподручней.

– А нельзя ли какую другую работу?

– Слушай, Аристократ, у нас тут закон суровый. Даром тебя кормить никто не будет.

14

Над городским женским монастырем в честь Иверской иконы Божией Матери разносится колокольный звон, призывая к утренней службе. По базарной площади спешат две женщины,

они несут тяжелую корзину, взявшись вдвоем за ее ручки. Сзади идут Степан и Сивый. Сивый подмигивает Степану и, обогнав женщин, поворачивается к ним:

– Здравствуйте, гражданки, давайте я вам помогу ради праздника.

Женщины останавливаются и окидывают Сивого недоверчивым взглядом:

– Спасибо, – говорит одна из них, – но мы уж сами как-нибудь. А ты ступай своей дорогой.

– Да нет, давайте все же помогу, – говорит настойчиво Сивый и берется за ручку корзины.

Женщина испуганно дергает корзину к себе, а Сивый тянет к себе. В это время к ним подбегает Степан. Он теперь уже не тот растерянный и наивный юноша. Взгляд его нагло-уверенный и насмешливый.

– Ты чего к дамам пристаешь, а ну иди отсюда, вор, я тебя знаю.

Женщины теперь уже растерянно смотрят на Степана, но они рады такой заступе.

– Иди, откуда пришел, – продолжает грозным голосом Степан, обращаясь к Сивому, – как тебе только не совестно к святым людям приставать.

Сивый, как будто испугавшись, отпускает ручку корзины и отступает на шаг.

– Иди, иди и не останавливайся, – продолжает свою грозную речь Степан и берет сам корзину.

– Спасибо, молодой человек, – лепечут женщины, безропотно передавая корзину Степану.

– Мерси, мадам, – говорит Степан, раскланивается и вдруг, сорвавшись с места, пускается наутек.

Женщины охают в растерянности, но тут же, опомнившись, кричат:

– Держи, держи вора!

У одного из прилавков стоят две монахини – молодая и пожилая. Пожилая рассматривает предлагаемый продавцом товар, а молодая оглядывается по сторонам. Незаметно выпростав из-под рясы баранку, откусывает и жует, одновременно наблюдая за убегающими Степаном и Сивым. Когда Степан пробегает мимо нее, она ловко из-под рясы выставляет свою ножку в черном высоком ботинке, и Степан, споткнувшись о ногу монахини, летит вперед носом. Он падает, из корзины высыплются яблоки. Монахиня, подставившая ногу, испуганно крестится, но в то же время, заметив подкатившееся к ней яблоко, носком ботинка подвигает его к себе, а затем, оглянувшись, нагибается и, подняв, прячет в складках рясы. На Степана накидываются торговцы и начинают его избивать. Монахиня смотрит уже с сочувствием и сожалением на Степана, что не мешает ей, отерев яблоко о рукав рясы, с хрустом откусив, есть. Вторая, пожилая монахиня Феодора, казначея монастыря, кидается защищать Степана от разъяренных торговцев.

15

Настоятельница женского монастыря игуменья Евфросиния сидела за письменным столом в своих приемных покоях и перебирала бумаги, делая на них пометки. За дверью раздался осторожный стук и женский голос робко произнес:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

– Аминь, – не отрываясь от бумаг, ответила игуменья.⁴

Дверь приоткрылась, и в нее проскользнула монахиня Феодора. Подойдя к столу настоятельницы, она остановилась в ожидании. Матушка игуменья, так и не подняв головы на вошедшую, продолжая читать бумаги, спросила:

– Ну что, сестра Феодора, подрядчикам деньги передала?

⁴ По монастырской традиции, стуча в дверь, произносят молитву и входят только после того, как услышат в ответ «аминь».

– Ох, матушка Евфросиния, да какие сейчас деньги, они уже ничего не стоят нынче. Бригадир просит хлебом расплачиваться.

Игуменья отложила в сторону бумаги и подняла усталый взгляд на Феодору.

– Где же нам его взять? Полмешка осталось, да я его на просфоры берегу. Отдадим, а на чем тогда службу совершать?

– Да я, матушка, к вам с радостной вестью! Господь призрел на наше сиротство. Отец Петр из Покровки после жатвы озимых, как и обещал, прислал тридцать мешков, у них нынче урожай хороший.

– Ну порадовала ты меня, мать моя, иди договаривайся, пусть подрядчики продолжают крышу перекрывать. Иди, и Бог тебя благословит.

Сказав это, матушка игуменья подошла к Феодоре и перекрестила ее. Та поцеловала ей руку, но не уходила. Евфросиния снова было углубилась в бумаги, давая этим понять, что разговор окончен, но, увидев, что та не уходит, подняла на нее вопросительный взгляд:

– Ну, что еще у тебя?

– Племянник отца Тавриона, настоятеля Новоспасского монастыря, где безбожники всех поубивали. Здесь он, у нас. Скитался мальчишка долго, натерпелся, так что и к ворам попал. Приютить бы его надо.

– Царство Небесное мученикам Христовым, – вставая и крестясь на образа, сказала матушка игуменья, – приведи его сюда.

16

Феодора ввела в кабинет настоятельницы Степана с подтеками и синяками на лице. Степан троекратно перекрестился на образа и подошел к игуменье под благословение. Игуменья осенила Степана крестным знаменем и, когда он наклонился к ее руке, поцеловала его в голову.

– Бедный ты мой мальчик, как же ты все это перенес там, в монастыре?

Степан, потупив голову, тихо сказал:

– Я очень испугался вначале. Убежал, а потом жалел, что не остался с ними.

– Эх, горемычный ты мой, все смерти бояться.

– Мне уже семнадцать.

– Ну и что? Да какая разница, милый, все под Богом ходим. Феодора, – обратилась она к казначее, – пристрой паренька к бригаде плотников, пусть трудится во славу Божью, да кормите его. Вон какой, в чем душа только держится.

17

Владимир Ильич Ленин из окна своего рабочего кабинета задумчиво смотрел на шагающих строем по кремлевской площади красноармейцев. Потом энергично повернулся к ожидавшей его машинистке.

– Ну-с, сударыня, на чем мы с вами остановились?

Сухощавая мадам лет тридцати пяти, в черной кожаной куртке и темной косынке, повязанной узлом назад, до этого вопросительно смотревшая на Ильича, глянула на бумагу, вставленную в пишущую машинку, и прочитала:

– ...разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий.

– Вот именно, на много, – встрепенулся Ленин.

Он стал шагать взад и вперед по красной ковровой дорожке и диктовать дальше:

– ... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы должны провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления.

После этой фразы Ленин остановился возле стола, взял стакан с чаем в серебряном подстаканнике, отхлебнул, зажмурился от удовольствия и вновь продолжил свое хождение по дорожке.

– Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществить их самым решительным образом и в самый короткий срок.

Ленин снова остановился, задумался и, энергично взмахнув рукой, продолжил:

– И чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше.

Он снова подошел к окну и, глядя на марширующих красноармейцев, в задумчивости негромко проговорил:

– Да-с, судари мои, чем больше, тем лучше...

18

Бригада плотников перелицовывает деревянную крышу монастырского корпуса. Степан привязывает несколько досок к веревке, спускающейся с лебедки, укрепленной на крыше, и кричит:

– Поднимай.

Доски медленно ползут вверх. Подвязанные посередине, они начинают вращаться, а Степан отворачивается и смотрит на проходящих мимо молодых послушниц, которые, скромно потупив глаза, все же изредка бросают взгляды в сторону Степана. Степан приветливо слегка кланяется им, и, пока он распрямляется, крутящаяся связка досок слегка ударяет его по затылку. Монахини прыскают и, зажав рты руками, ускоряют шаг.

19

Вся бригада кровельщиков обедает. Их обслуживают монахини. Пожилая монахиня подходит с кувшином молока и наливает Степану в кружку.

Степка с благодарностью смотрит на монахиню.

– Спаси Господи, матушка.

– Кушай, Степушка, сестра Корнелия специально для тебя ходила в Самойловку. У них молоко особенное.

20

Хлынул дождь. Настоящий летний ливень. Бригада, в которой работает Степан, прячется под навесом. Степка видит, как монахини пытаются спасти из-под дождя одежду, развешанную на заднем дворе монастыря, он бежит к ним на помощь. Тащит тяжелую корзину с бельем, но поскользывается и падает в грязь. Молодые монахини смеются, помогают ему подняться и вместе тащат дальше корзину.

21

Степка идет утром на работу вместе с бригадой, его окликает послушница и, подбежав, вручает постиранную рубашку.

22

В губкоме⁵ идет экстренное заседание. Обсуждается директива ВЦИК⁶ об изъятии церковных ценностей. Выступает Иван Исаевич Садовский, первый секретарь губкома. Слушают его внимательно, понимая всю значимость данного вопроса для укрепления власти большевиков в молодой советской республике. Иван Исаевич – старый большевик-ленинец. Годы подполья, ссылки и тюрем закалили характер этого несгибаемого революционера. Говорит он жестко, короткими фразами, словно гвозди заколачивает:

– Товарищи! Мы собрались, чтобы обсудить директиву ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Партия требует от нас решительных действий. В идеологии Церковь – наш главный враг. Сейчас, когда в стране разруха, а в Поволжье голод, мы должны воспользоваться этой благоприятной для нас ситуацией в борьбе с попами и монахами. Их надо уничтожать под корень. Раз и навсегда. Беспощадно истребить всех во имя мировой революции. Изъятие ценностей непременно вызовет сопротивление церковников. Этим обстоятельством и требует незамедлительно воспользоваться Владимир Ильич. Другой возможности у нас с вами, товарищи, может и не быть. Какие будут предложения? – Он сурово обвел глазами всех присутствующих и добавил: – Товарищи, прошу говорить коротко и только по существу вопроса.

Слово взял член губкома Петр Евдокимович Свирников:

– Товарищи, хочу проинформировать вас, что настоятельница женского монастыря игуменья Евфросиния уже приходила к нам с предложением помочь. В воскресенье в монастыре при всем народе отслужат молебен и она сама снимет драгоценный оклад с Иверской иконы Божьей Матери и передаст голодающим, а народу объяснит, что икона и без оклада остается такой же чудотворной.

После этого выступления поднялся невообразимый шум, многие повскакали с мест. Раздались крики:

– Вот ведь, стерва, что удумала: поднять авторитет Церкви за счет помощи голодающим!

– Товарищи, да это же идеологический террор со стороны церковников!

– Прекратить шум, – рявкает Садовский, – заседание губкома продолжается. Слово имеет член Губчека товарищ Коган.

Коган встал, расправил портупю и, оглядев все собрание взглядом, полным превосходства, начал свою речь:

– Товарищи! Никакого идеологического террора церковников мы не потерпим. На любой террор мы ответим беспощадным красным террором. В данной ситуации, я считаю, нам нужно нанести упреждающий удар. В воскресенье мы войдем в монастырский собор прямо во время службы и начнем изъятие церковных ценностей. Если будет оказано сопротивление, тем лучше. За саботаж декретам советской власти мы арестуем игуменью как организатора контрреволюционного мятежа, а затем проведем изъятие.

⁵ Губернский комитет партии.

⁶ Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР в 1917–1937 гг.

23

Над монастырем протяжно и гулко разносится звон главного соборного колокола, призывая православных на воскресную литургию. По монастырскому двору, тяжело ступая и морщась при каждом шаге, идет игуменья Евфросиния, опираясь на свой настоятельский посох. Рядом с ней, но из уважения на полшага позади, вышагивает монахиня Феодора.

– Я сегодня, сестра Феодора, уснуть никак не могла всю ночь, – жалуется духовной сестре настоятельница.

– Что же, матушка, опять небось суставы ломило? – участливо вопрошает та.

– Да Бог с ними, с суставами, – со вздохом машет рукой мать Евфросиния, – о другом душа болит. Сама же знаешь, что сейчас творится. Монастыри закрывают, монахов разгоняют, а то еще хуже – убивают или в тюрьмы отправляют. Вот и думаю: нас-то что ждет?

– Да Бог с тобой, матушка, – всплеснула в страхе руками Феодора.

– То-то и оно, какой уж тут сон. Ворочалась, ворочалась, а потом решила: уж коли сна нет, так хоть помолюсь. Читаю молитвы и надеждой себя утешаю: Бог милостив, может, и минует сия чаша нашу обитель.

Матушка игуменья приостановилась и перекрестилась на купола собора, Феодора перекрестилась следом за настоятельницей. Игуменья повернулась к ней и почти шепотом проговорила:

– А под утро задремала да вижу сон, будто Ангелы Божьи с небес спускаются, а в руках венцы держат. Стала я Ангелов считать. Подходит ко мне убиенный отец Таврион и говорит: «Не трудись, матушка, напрасно, все уже давно подсчитано. Здесь ровно сорок четыре венца». Проснулась и поняла, не минует сия чаша нашу обитель, ждет мученический венец всех.

– Свят, свят, свят, – закрестилась Феодора, в страхе глядя на игуменью, – так почему же сорок четыре, у нас же в монастыре вместе с вами сорок пять? Может, вам отец Таврион про сорок пять говорил?

– Нет, сестра Феодора, именно сорок четыре.

– Значит, кто-то из сестер избегнет венца мученического, – тут же вставила свое слово казначея.

В это время начался праздничный трезвон всех колоколов, и игуменья заспешила к собору.

24

На великом входе⁷ во время пения Херувимской⁸ матушка игуменья заплакала. Хор сегодня пел особенно умирительно. Звонкие девичьи голоса уносились под своды огромного собора и ниспадали оттуда на стоящих в храме людей благотворными искрами, зажигающими сердца молитвой и покаянием. Когда хор запел: «Яко да Царя всех подыmem»⁹, у входа в собор послышался какой-то неясный шум. Матушка игуменья прислушалась, потом обратилась к рядом стоящей монахине Феодоре:

– Узнай, сестра, что там происходит.

Феодора ушла, но вскоре вернулась бледная и дрожащим голосом поведала:

⁷ Торжественный выход священнослужителей из алтаря на амвон во время Литургии верных.

⁸ Песнопение Литургии верных.

⁹ Заключительная часть Херувимской песни.

– Матушка настоятельница, там какие-то люди с оружием пытаются войти в собор, говорят, что будут изымать церковные ценности, а наши прихожане-мужики их не пускают, вот и шумят. Что благословите, матушка, делать?

– Ты слышала, мать Феодора, что провозглашал архидиакон перед Херувимскою песнью? Неверные должны покинуть храм.

– Но они, матушка, по-моему, настроены решительно и не захотят выходить, – испуганно возразила Феодора.

– Я тоже настроена решительно: не захотят добром, благословляю вышибить вон, а двери – на запор до конца литургии.

Матушка игуменья распрямилась, глаза ее гневно блеснули.

25

В притворе собора происходила давка. Со стороны входа в храм через толпу прихожан пытались пробраться представители комиссии по изъятию церковных ценностей. Мужики-прихожане напирали на них, пытаясь вытеснить незваных гостей. Впереди членов комиссии толкался подвыпивший матрос в бескозырке набекрень. Он больше всех кричал и суетился. Видя, что его усилия не приносят результата, он вынул из кармана револьвер и начал размахивать им над головой.

Феодора, заметив пистолет, активно заработала локтями, предпринимая отчаянную попытку пробраться к матросу. Наконец ей это удалось.

– Ты что это, ирод окаянный, с оружием в храм Божий лезешь?

– Именем революции, разойдись! – кричал матрос, не обращая внимания на Феодору, и, видя, что его угрозы мало чему помогают, выстрелил из револьвера в потолок храма. Прихожане и члены комиссии шарахнулись в стороны от матроса, а монахиня, наоборот, с отчаянной решимостью кинулась к нему и вцепилась в его руку. Матрос, не ожидавший от монахини такой прыти, выронил револьвер. Но другой рукой он сшиб с головы Феодоры монашеский клобук. Феодора, отпустив матроса, нагнулась, чтобы поднять клобук. Матрос, вдохновленный этой маленькой победой, стянул с головы монахини еще и апостольник¹⁰. Феодора растерянно схватилась за голову руками. Ее растрепанные волосы рассыпались по плечам. Матрос, довольный, громко засмеялся. Монахиня, держась руками за простоволосую голову, вначале охала от стыда. Услышав смех матроса, повернулась к нему с гневным выражением лица. Тот продолжал смеяться. Феодора запустила руку под полу своей рясы, достала большую медную монастырскую печать и что есть силы ударила ею матроса по лицу. Матрос упал. Толпа мужиков, вдохновленная этим подвигом матушки казначеи, дружно навалилась на членов комиссии и выдавила их из собора. Створки тяжелых дверей медленно, но уверенно стали сближаться между собой. Наконец они закрылись, и тут же задвинулся тяжелый железный засов. В храме сразу водворилась тишина, нарушаемая лишь благостным пением хора.

26

На паперти собора члены комиссии губкома ожидают окончания службы. Кто-то сидит со скучающим видом. Кто-то разговаривает между собой. Два красноармейца, опершись на свои винтовки, курят в стороне самокрутки. Суетится один только матрос, под глазом у него красуется синяк. Он подходит то к одному, то к другому члену комиссии:

– Чего мы тут ждем, принести динамиту и взорвать дверь.

¹⁰ Монашеская женская одежда, покрывающая голову, шею и плечи.

– Зачем это? – лениво отвечает ему член комиссии. – Служба закончится, сами выйдут.
– Чего нам ждать конца службы, – остервенело кидается матрос к другому члену комиссии.

– Чего ты нас напрягаешь, – зло отвечает тот, – вот подъедет ВЧК¹¹ и пусть разбирается. Но матрос не унимается:

– Какого хрена мы тогда здесь? Эй, солдатики, а ну, подойди сюда. Давай, стучите в дверь прикладами, чтоб этим святошам тошно стало.

Красноармейцы стали нехотя стучать прикладами в двери собора. В это время на открытом легковом автомобиле подъехал Коган. Не выходя из автомобиля, он мрачно посмотрел на солдат, отвернулся и подозвал к себе одного из членов комиссии. В это время заскрипел засов и двери собора стали открываться. В дверном проеме стояли монахини, а впереди сама игуменья. Постукивая посохом, она вышла на паперть собора и властно посмотрела на членов комиссии. Те, невольно заробев, расступились. Евфросиния стала спускаться по ступеням паперти. Внизу ее с наглой ухмылкой поджидал Коган. Игуменья, спустившись, остановилась перед Коганом, который перегордил ей дорогу.

– Решением губкома, – громко, так, чтоб все слышали, произнес Коган, – за саботаж декретам советской власти и открытое вооруженное сопротивление ваш монастырь закрывается. Все его имущество передается в руки законной власти рабочих и крестьян. Зачинщиков сопротивления приказано арестовать.

Настоятельница спокойно выслушала Когана и сказала:

– Наше оружие – молитва и крест. А зачинщица этого, как вы изволили выразиться, «вооруженного сопротивления», я одна, а больше никто не виноват.

– Мы сами разберемся, кто виноват, – криво улыбнулся Коган и, повернувшись к солдатам, приказал: – Арестовать ее и в машину.

Матушка игуменья повернулась к сестрам и поклонилась им в пояс:

– Простите меня, сестры, за то, что была строга с вами. Бдите и молитесь, Бог даст, скоро увидимся.

Послышались всхлипы и причитания монахинь. Монахиня Феодора решительно вышла из толпы и тоже поклонилась сестрам:

– Простите и меня, я с матушкой игуменьей пойду.

Красноармейцы вопросительно глядят на Когана.

– Ее, ее непременно надо арестовать, товарищ Коган, – закричал, подсакивая к Феодоре, матросик, – эта стерва всеми руководила, когда нас выталкивали из собора. Между прочим, мне самолично чем-то тяжелым двинула, чуть не убила. – При этих словах он указал на свой синяк.

Коган ухмыльнулся, глядя на подбитый глаз матроса, и распорядился:

– Эту тоже под арест.

Красноармейцы повели монахинь к машине. Игуменья повернулась к Феодоре и вполголоса спросила:

– Чем это ты, мать Феодора, бедагу двинула?

– Да так, что под рукой было, – смущаясь, ответила Феодора.

– Что же у тебя под рукой было? – продолжала интересоваться игуменья, садясь в автомобиль.

– Наша монастырская печать, матушка, – ответила Феодора, – она же ох какая здоровая да тяжелая.

Настоятельница засмеялась:

¹¹ Всероссийская чрезвычайная комиссия – орган по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем в 1917–1922 гг., проводивший жестокие массовые репрессии. В 1922 г. реорганизована в Государственное Политическое Управление – ГПУ.

- Значит, припечатала антихристу?
 - Сподобилась, мать игуменья, – улыбнулась ей в ответ Феодора.
- Конвоиры с недоумением переглянулись, видя, что монахини улыбаются.

27

Коган, постучавшись, вошел в кабинет секретаря губкома. Садовский встал и, выйдя из-за стола, крепко пожал ему руку.

– Проходи, товарищ Коган, садись, есть к тебе вопросы. Я доложил в ЦИК¹², что работа по изъятию церковных ценностей прошла гладко. Но Владимир Ильич недоволен результатами. В ЦИКе считают, что мало ликвидировано контрреволюционного церковного элемента. Монастырь закрыли, а где монахини?

Коган устало присел к столу и, сняв кожаную фуражку, пригладил волосы рукой.

– В монастыре, товарищ Садовский, было сорок пять монахинь. Настоятельница и казначея арестованы, сидят у нас в подвале ЧК¹³, мы их допрашиваем. Все остальные монахини разошлись на жительство в город по квартирам.

– По квартирам, говоришь? А вот теперь подумай, товарищ Коган, что эти оставшиеся сорок три монахини делают в миру? Я, например, ни на минуту не сомневаюсь, что они ведут контрреволюционную пропаганду среди несознательного населения.

– Думаю, ты прав, товарищ Садовский, – опустив голову, сказал Коган. – Хотя мы пытаемся держать этот вопрос под контролем, но разве за всеми уследишь?

– Это верно, не уследишь. А ты еще подумай о том, товарищ Коган, чтобы их вообще в городе не было.

– Есть у меня мыслишка, как без особых хлопот уладить все это дело, – оживился Коган, ближе придвигаясь к столу, – могу поделиться.

– Нет, нет, товарищ Коган, не надо, – брезгливо поморщившись, замахал руками Садовский, – партия и так тебе доверяет. Действуй самостоятельно, а потом расскажешь. Считай это заданием партии, а уж каким методом ты его выполнишь – это не имеет значения.

28

Две монахини шли с базарной площади вдоль монастырской стены. Позади них, понурив голову, плелся Степан с большой корзиной в руках. Поравнявшись с монастырскими воротами, монахини повернулись к ним и осенили себя крестным знаменем с поклоном. Когда они разогнулись от поклона, то с удивлением воззрились на нишу, где раньше висела икона Иверской Божьей Матери. Там теперь красовался красный плакат.

– «КТО НЕ РАБОТАЕТ – ТОТ НЕ ЕСТ!» – прочитала надпись на плакате монахиня, что была помоложе.

– Охальники, – проворчала пожилая монахиня, – это же слова святого апостола Павла¹⁴.

– Может, они и Бога признают? – робко сказала молодая монахиня.

– Признают, жди, – сердито сказала пожилая и повернулась, чтобы идти.

Степан, взявшись было за корзину, как бы нехотя заметил монахиням:

– Там, на воротах, вроде какой-то листок бумаги.

– А ну-ка, Степка, побеги посмотри, чего там, – попросила одна из сестер.

¹² Центральный Исполнительный Комитет, верховный исполнительный орган в СССР (1922–1937 гг.).

¹³ Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в 1918–1922 гг. – местные органы Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК).

¹⁴ «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2-е послание к фессалоникийцам 3:10).

Степан подбежал к воротам, прочитал листок и, обернувшись к монахиням, радостно замахал им рукой, приглашая подойти. Сестры заспешили к Степану.

– Матушки, тут объявление, о том, что монастырь вновь открывают.

– Матерь Божия, – запричитали сестры, – читай, Степушка, читай вслух.

– «Сегодня в девятнадцать часов в трапезной монастыря состоится собрание всех монахинь, желающих открыть монастырь».

– Ой, батюшки, счастье-то какое, – всплеснула руками молодая монахиня, – прямо не верится.

– Никак Царица Небесная чудеса творит, – благоговейно перекрестилась пожилая монахиня, – раз уж здесь написано, так оно и есть. Пойдем предупредим остальных. Ты беги, Степка, к матери Иоанне и Сусанне, а затем обойди Пелагию, Зою и Игнатию, ты знаешь, где они живут. А уж там тебе и другие адреса дадут. Надо всех успеть предупредить.

И монахини, еще раз перекрестившись и обнявшись на радостях, разошлись в разные стороны.

29

В трапезной монастыря на составленных рядами скамьях сидели радостные и взволнованные монахини. Коган вошел бодрой походкой.

– Здравствуйте, гражданки монахини.

– Здравствуйте, – вразной отвечали сестры, вставая для приветствия навстречу Когану.

– Садитесь, садитесь, гражданки монахини. Все ли вы здесь собрались?

– Все, кроме матушки настоятельницы и сестры Феодоры, да еще послушница Валентина уехала к своим, в деревню, – ответила за всех регент хора монахиня Иоанна.

– Думаю, что с вашей настоятельницей и гражданкой Феодорой вы вскоре встретитесь, – обнадежил монахинь Коган.

Сестры обрадовано загомонили. А Коган подождал, когда наступит тишина, и продолжил:

– Советская власть решила вернуть вам монастырь, но вы также должны нам помочь.

– Чем помочь? Чем? – забеспокоились сестры.

– Успокойтесь, гражданки, это в ваших силах. Нужно выехать в одно село и поработать в поле на уборке урожая. Сами понимаете: гражданская война, работников на полях не хватает. Ну, словом, все ли вы согласны?

– Согласны. Конечно, согласны, – наперебой радостно восклицали монахини. – А как же не согласиться. Нам лишь бы монастырь вернуть да снова Богу служить.

– Ну, вот и хорошо, – сказал, довольно потирая руки, Коган, – скоро придут подводы, и мы с вами поедем на пристань, а там – на барже по реке к селу. Прошу никому не расходиться. Можете здесь сидеть и молиться себе на здоровье.

Коган вышел из трапезной, за которой стояло двое красноармейцев с винтовками.

– Никого не выпускать до моего прихода, – приказал он и быстро зашагал к выходу.

Из-за дверей трапезной было слышно дружное и слаженное пение монахинь: «Царица моя Преплагая, надежда моя Богородице...»

30

Подводы с монахинями подъехали прямо на пристань, когда город погрузился в сумерки. Возле причала стояла старая деревянная баржа и буксирный катер. Монахини по трапу стали переходить на баржу. Двое красноармейцев, Зубов с Брюхановым, направляли сестер к откину-

тому на палубе большому люку. Монахини спускались по широкой и пологой лестнице прямо в трюм баржи. Брюханов освещал им путь фонариком.

В то время как монахини погружались в баржу, к пристани подбежал Степан. Красноармеец с винтовкой наперевес перегородил ему дорогу:

– Стой! Куда идешь? Не положено.

Степан отошел в сторонку и спрятался за ящики. Он достал бинокль и навел его на баржу. Увидев Когана и Зубова, вздрогнул и чуть не уронил бинокль.

Когда все сестры спустились в трюм, Зубов подвесил фонарик на крюк к потолку трюма и быстро вылез наверх. Как только он оказался на палубе, крышку люка сразу же опустили. Зубов сверху навесил на люк большой амбарный замок и, закрыв его, отдал ключ Когану.

– Герметичность баржи проверили? – спрашивает Коган у Зубова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.